

Глава 14. Карамельный боярышник

Ночной Город Вэй сиял мириадами огней.

Улицы наводнила праздная толпа. Повсюду сновала ребятня — кто с лакомством в руках, кто с забавной игрушкой, — оглашая воздух звонким смехом.

Среди этого шумного водоворота неспешно шли Цзинь Хань и Гу Наньчжао.

Они бродили с самого утра, но Цзинь Хань ничуть не растерял задора. Чего нельзя было сказать о его спутнике. Гу Наньчжао терпеть не мог суету, а уж в таком столпотворении и вовсе чувствовал себя не в своей тарелке. Днем это еще как-то можно было перетерпеть, но теперь, зажатый в плотном потоке гуляющих, юноша выглядел мрачнее грозовой тучи. От его ледяного взгляда, казалось, могла замерзнуть река.

Словно намеренно изводя его, Цзинь Хань упорно отказывался возвращаться на постоянный двор. Одного любования праздником ему казалось мало — он скупал все подряд. И разумеется, всякую чепуху, в которой не было ни малейшей нужды: маску в виде свиного пяточка, бумажного змея, плетеные браслеты на руки и ноги, четки... И все это без лишних слов пихал в руки Гу Наньчжао. К тому моменту, как они добрались до середины улицы, юноша напоминал ходячую сувенирную лавку.

Напоследок Цзинь Хань умудрился купить ему еще и танхулу — шпажку карамельного боярышника.

Зимой эти налитые соком ягоды, покрытые глянцевой алой глазурью, выглядели празднично и аппетитно. Но то для детворы, а не для угрюмого заклинателя. Гу Наньчжао смерил лакомство презрительным взглядом.

Однако неподалеку мелькнули знакомые одежды — несколько учеников Секты Небесной Тени во все глаза глазели на них, перешептываясь. Пришлось нацепить бесстрастную маску и принять шпажку.

Заметив кислую мину на лице своего «ученика», Цзинь Хань весело хмыкнул:

— Молодости полагается быть живой и задорной, а ты вечно ходишь с лицом покойника. И чем тебе угощение не угодило? Посмотри вокруг: у каждого ребенка в руках точно такая же шпажка.

Гу Наньчжао окинул его холодным взглядом и протянул сладость обратно:

— Раз так нравится — ешь сам.

Цзинь Хань перевел взгляд со шпажки на юношу и издевательски усмехнулся. Он качнул головой:

— Это забава для неразумных крох. С чего бы мне ее есть?

Гу Наньчжао лишь крепче сжал зубы.

«Ну точно, — мысленно негодовал юноша. — Этот невыносимый человек затянул нашу прогулку исключительно ради того, чтобы поиздеваться и отомстить за былые препирательства»

Краем глаза он заметил, что зеваки из Секты Небесной Тени все еще трутся поблизости, провожая их любопытными взглядами и о чем-то шушукаясь.

Сдерживая глухое раздражение, Гу Наньчжао развернулся и зашагал следом за Цзинь Ханем, крепко сжимая дурацкую шпажку.

Ни тот, ни другой и помыслить не могли, к чему приведет эта минутная блажь. Уже на следующее утро по Секте Небесной Тени со скоростью лесного пожара разнесся слух: грозный и холодный Гу Наньчжао, оказывается, обожает засахаренные ягоды.

Дело дошло до того, что одна из влюбленных учениц, желая выразить свои чувства, тайком сбежала с горы, чтобы купить заветное лакомство. Увы, ее поймал суровый старейшина и в наказание сослал на кухню чистить овощи.

Эта история мгновенно превратилась в местный анекдот, а незадачливая девица снискала сомнительную славу на всю округу. Но все это, разумеется, случилось гораздо позже.

Догнав Цзинь Ханя, Гу Наньчжао застал того за весьма странным занятием: Бессмертный лорд перегородил дорогу какому-то карапузу и, указывая на его бамбуковый вертолетики, вежливо расспрашивал:

— Малыш, не подскажешь, где продаются такие игрушки?

Мальчишка ничуть не испугался незнакомца и махнул ручонкой куда-то в глубь переулка:

— Вон там, в лавке!

— Благодарю, — кивнул Цзинь Хань и, к вящему изумлению спутника, действительно

направился в указанную сторону.

Лавка оказалась забита всевозможными безделушками ручной работы. Помимо бамбуковых пропеллеров, здесь продавалось множество диковинных вещей — причудливых, но выполненных с поразительным мастерством. От пестроты просто разбежались глаза.

Цзинь Хань с увлечением копался в этом ворохе. Гу Наньчжао, наблюдая за ним, не удержался от шпильки:

— Не знал, что мой уважаемый учитель до сих пор не вышел из нежного возраста.

Цзинь Хань одарил его приторной улыбкой, явно стремясь задеть побольнее:

— Ну что ты, глупый ученик. Просто твой любящий наставник вспомнил, как сиротливо прошло твоё детство на уединённом пике. Ты ведь и игрушек-то настоящих в руках не держал. Вот я и решил проявить заботу, пока у меня хорошее настроение.

С этими словами он сгреб ещё несколько побрякушек и крикнул хозяину:

— Любезный, заверни-ка все это.

Когда они вышли на улицу, Цзинь Хань бросил взгляд на темнеющее небо. Решив, что на сегодня издевательств вполне достаточно, он наконец соизволил повернуть обратно.

Но не успели они пройти и пары кварталов, как из колышущейся толпы вынырнул сгорбленный старик и со всего маху налетел прямо на Цзинь Ханя. Охнув, бедолага не удержался на ногах и шлепнулся на брусчатку.

Цзинь Хань даже не шелохнулся. Он лишь равнодушно опустил взгляд на распластавшегося у его ног старика, не делая ни малейшей попытки помочь ему подняться.

Старик, потиравший ушибленный бок и причитавший на всю улицу, почувствовал неладное. Наступившая тишина показалась ему зловещей. Он робко поднял голову и наткнулся на пару бездонных, угольно-черных глаз. В его взгляде застыло нечто холодное и пугающее.

Нечто, чего старик никак не ожидал увидеть в обычном прохожем.

Его сердце испуганно сжалось. Но стоило ему моргнуть, как морок рассеялся: молодой заклинатель приветливо улыбнулся и с безупречной вежливостью произнес:

— Ох, дедушка, прошу прощения. Вы не сильно ушиблись?

Старик поспешно замахал руками, поднимаясь:

— Нет-нет, все в порядке. Сам виноват, под ноги не смотрел... Спасибо тебе, добрый юноша.

— Не стоит благодарности, — мягко отозвался Цзинь Хань.

Лишь вернувшись в уединенный дворик, фальшивые учитель и ученик наконец сбросили маски. Без лишних слов Гу Наньчжао сгрузил всю охапку покупок на стол в комнате Цзинь Ханя.

Войдя следом, Бессмертный лорд невольно усмехнулся: среди груды барахла сиротливо торчала та самая шпажка танхулу. Юноша умудрился воткнуть ее прямо в горлышко глиняного чайника, отчего вся композиция выглядела на редкость нелепо и даже как-то мило.

Подойдя ближе, Цзинь Хань покрутил палочку в руках. Воздух наполнился густым, карамельным ароматом. Он поднес лакомство к лицу, принялся и с удовольствием откусил верхнюю ягоду. Кисло-сладкий сок спелого боярышника смешался с хрустящей сладостью глазури — вкус оказался на удивление отменным.

В прежней жизни Цзинь Хань был слаб здоровьем и большую часть времени проводил в постели. Изредка, когда лихорадка отступала, он развлекался тем, что изводил праведных заклинателей, но те мелкие пакости никогда не приносили ему полного удовлетворения — не хватало сил развернуться вовсю.

Здесь же судьба преподнесла ему царский подарок: крепкое, пышущее энергией тело. Теперь его ничто не сдерживало, и жажда действия бурлила в нем неиссякаемым ключом.

Воспоминание о том, как весь день кривился и исходил безмолвной злобой Гу Наньчжао, согрело ему душу.

Последнее время их негласное противостояние шло с переменным успехом, и Цзинь Хань чаще оказывался в дураках. Но сегодняшний день определенно остался за ним. Это был триумф.

Пока он предавался приятным мыслям, дверь без стука распахнулась. На пороге снова возник Гу Наньчжао. Увидев, как грозный Повелитель демонов с самым безмятежным видом уплетает детское лакомство, юноша на секунду опешил.

Цзинь Хань, впрочем, ничуть не смутился. Не выпуская палочки изо рта, он невнятно поинтересовался:

— Чего тебе?

Вместо ответа Гу Наньчжао стянул с запястья нитку тяжелых деревянных бусин. Во время прогулки, когда рук уже не хватало, Цзинь Хань бесцеремонно нацепил это украшение прямо на него, а юноша в раздражении просто позабыл снять его.

Бросив четки на стол, Гу Наньчжао невольно проследил взглядом за тем, как его визави отправляет в рот последнюю засахаренную ягоду. Цзинь Хань неторопливо разжевал ее, а затем кончиком алого языка лениво слизнул прилипшую к губе прозрачную крошку карамели.

В этом жесте не было ничего особенного — обычная машинальная привычка. Но почему-то именно в этот миг, глядя на влажный блеск чужих губ, Гу Наньчжао почувствовал, как сердце невольно пропустило удар. В груди шевельнулось странное, щемящее чувство — новое, какого он никогда прежде не испытывал.

Юноша замер, тщетно пытаясь дать имя этому внезапному наваждению.

— Ну? — прервал его раздумья голос Цзинь Ханя. — Так и будешь столбом стоять?

Опомнившись, Гу Наньчжао поспешно отвел взгляд и, нахмурившись еще сильнее, круто развернулся и покинул комнату.

Дождавшись, пока шаги за дверью стихнут, Цзинь Хань небрежно швырнул пустую бамбуковую шпажку в угол, не спеша отпил остывшего чая и лишь после этого поднялся, чтобы запереть дверь на засов.

Запустив руку за пазуху, он извлек на свет сложенный вчетверо плотный листок бумаги.

Этот клочок подсунул ему тот самый сгорбленный старик, что так удачно разыграл падение на мостовой. Короткое послание было запечатано сургучным оттиском с узнаваемым клеймом Секты Демонов.

Глядя на темный герб, Цзинь Хань поморщился. Он и забыл, что прежний владелец этого тела вел двойную игру, тайно являясь с демоническим отродьем.

Строки внутри призывали его немедленно явиться для отчета в Башню Высочайшей Радости.

— Какая наглость, — тихо хмыкнул Цзинь Хань.

Тон письма так и сквозил спесью — писавший явно возомнил себя важной птицей, имеющей право раздавать приказы.

Бессмертный лорд скользнул по строкам равнодушным взглядом и безжалостно швырнул бумагу на стол. Тратить драгоценное время на тайные встречи с демонической мелюзгой он не собирался. Впереди его ждало куда более увлекательное событие — Великое собрание по отбору.

Погасив свечу, он устроился на постели и мгновенно заснул.

<http://bllate.org/book/20079/2039301>